

Натали Симоно

Сахалинская ведьма

18+

Натали СИМОНО
Сахалинская ведьма

«Автор»

2026

Симоно Н.

Сахалинская ведьма / Н. Симоно — «Автор», 2026

В основе этой книги — судьба реального человека. Да, детали эпохи и диалоги — это художественный вымысел. Но ведьма, слышащая травы. Огненный цветок папоротника. Сила, за которую платили кровью. И настоящая могила, которая просто исчезла с кладбища весной. Сахалин, конец XIX века. В семье ссыльных рождается девочка с разными глазами. Гарпына прошла через всю эпоху: от царской России до послевоенного СССР. Она лечила травами и кровью, вела невидимые войны с духами и прятала семью от карательных органов. Это хроника реальной жизни, в которой магия была не сказкой, а суровой необходимостью. История о том, какую цену приходится платить за дар, и как любовь оказывается сильнее смерти.

© Симоно Н., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Натали Симоно

Сахалинская ведьма

Глава

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ДИТЯ ПОГРАНИЧЬЯ

Глава 1. Девочка с разными глазами

В одном из дальних, Богом забытых сёл на Сахалине, которое местные звали Пустаки, ютилась семья ссыльнопоселенцев. Муж, бывший каторжник с выцветшими синими узорами татуировок на костяшках пальцев, дни напролёт пропадал в лесу: рубил дрова, ставил силки, добывая пропитание ценой мозолей и ссадин. Жена, взятая из такой же бедной, измотанной нуждой семьи, рожала детей, стирала до кровавых мозолей, пряла и по большим праздникам шептала молитвы в маленькой, покосившейся деревянной церквушке.

Детей в избе было много, и все они были как все: серые, тихие, прибитые тяжёлой долей. Пока не родилась Гарпына.

Роды начались глубокой ночью, когда за окном выл ветер, гоняя снежную крупу по крыше. По старому обычаю, рожать женщину отвели в баню — «мыльню», что стояла в конце огорода. Там было жарко, пахло берёзовыми вениками и паром. В тесном предбаннике, освещённом единственной лучиной, сустились повитуха Агафья да соседка Марфа, которая прибежала помогать кипятить воду в чугуне.

Муж, Иван, всю ночь не отходил от бани. Он сидел на опрокинутом бревне у самой двери, куря самокрутку за самокруткой, чтобы заглушить тревогу. По поверью, мужчине нельзя было видеть муки жены, но и оставлять её одну в такую ночь считалось грехом. Он караулил, подкидывал дрова в печь, чтобы жар не спадал, и прислушивался к каждому стону за тонкой дверью.

Когда всё наконец свершилось, в бане повисла странная, звенящая тишина. Младенец не заплакал.

Повитуха Агафья, принимавшая роды, перекрестилась дрожащей рукой и едва не выронила ножницы. Девочка появилась на свет с пуповиной, туго обвитой вокруг шеи, словно петля висельника. Кожа её была бледной, почти прозрачной, а дыхание — едва заметным.

— Удавленница — зашептала Марфа, переглядываясь с повитухой с суеверным ужасом. — Не дышит ведь.... Царство ей небесное...

Но тут младенец открыл глаза.

И женщины, видевшие их в полумраке предбанника, замерли. Один глаз был синий, пронзительный, как небо над ледяным, штормовым морем. Другой — зелёный, сочный и живой, как молодой папоротник в разгар июня. В этом взгляде не было ни страха новорожденного, ни детской беспомощности. Была лишь древняя, спокойная внимательность.

Девочка тихо улыбнулась, и эта улыбка показалась женщинам страшнее любого плача.

В этот момент снаружи послышались шаги по хрустящему снегу. Это была старая нивхка Ынна. Она шла мимо по своей дороге, возвращаясь из леса с вязанкой хвороста, который собирала для обмена на соль. Увидев, что в бане горит свет, а на бревне сидит хозяин, она остановилась у приоткрытой двери предбанника.

— Иван, — тихо позвала она, не входя, соблюдая границы. — Ты чего тут сидишь? Родила аль нет? Может, воды горячей надо или ещё чего? Я рядом прошла, могу помочь.

Иван, услышав знакомый голос, обернулся. Лицо его было серым от усталости и напряжения. Он махнул рукой в сторону бани, жестом приглашая войти.

— Заходи, Ынна, — хрипло сказал он. — Только что родила. Да вот молчит дитя. Глянь, может, ты знаешь, что делать?

Вы, старые люди, мудрее нас в таких делах. Нивхка кивнула, стряхнула снег с валенок и вошла в предбанник, запахнув за собой дверь, чтобы не выстудить помещение. Она не стала спрашивать лишних вопросов, увидев состояние женщин. Повитуха Агафья, поняв намёк хозяйина и чувствуя, что чужая помощь сейчас не помешает, молча протянула ей младенца.

— Подержи, бабушка, — прошептала она. — Может, тепло твоё её разбудит. Мы уж не знаем, что и делать.

Ынна взяла ребёнка на руки бережно, как хрупкую птицу. Её лицо, похожее на изрезанную временем кору, осталось непроницаемым, когда она посмотрела на девочку. Нивхи уважали тайну рождения, но этот взгляд притягивал, требуя признания.

Младенец лежал у неё на руках спокойно, не плача, и смотрел своими разными глазами прямо в душу старой женщины.

— Двоглазка, — прошептала Ынна, и голос её прозвучал как шелест сухих листьев, перекрывая треск лучины. Она не вернула ребёнка сразу, а продолжила держать его, словно измеряя вес его судьбы. — Та, что видит два мира. Ей суждено ходить по самому краю. Между жизнью и смертью. Между правдой и ложью. Между людьми и духами.

Она осторожно передала младенца обратно повитухе, которая уже приготовила тёплую пелёнку.

— Не бойтесь, — добавила Ынна, глядя на испуганных женщин. — Всё хорошо. Просто она не отсюда.

И она вышла обратно в ночь, даже не обернувшись и не сказав больше ни слова, оставив мужчину и женщин в оцепенении, но уже с пониманием того, кто родился в эту ночь в их бане.

Мать, лежащая на полке и покрытая тяжёлой простынёй, горько заплакала, закрыв лицо рукавом рубахи. Отец, стоявший у порога, скрипнул зубами, сжимая кулаки так, что побелели костяшки. Он смотрел на дочь не как на радость, а как на непонятный и пугающий знак судьбы, нарушающий привычный уклад их тяжёлой жизни.

А девочка с разными глазами просто лежала в подготовленной люльке из лыка, укрытая старой шалью, смотрела в низкий, закопчённый потолок бани и тихо улыбалась.

Росла она, как трава у большой дороги — сама по себе, вопреки всему. Никто не учил её читать: в Пустаках школы не было, а грамотеям доверяли мало. Никто не водил её за руку в церковь: батюшка появлялся в селе раз в полгода, да и то, если дороги позволяли. Старшие сёстры с утра до ночи возились по хозяйству, братья пропадали в лесу.

Гарпына же с малых лет тянулась к тому, что другие не замечали или боялись заметить.

В три года она подошла к старому, поросшему мхом пню на краю огорода, положила на него свои маленькие ладони и замерла. Мать кликала её обедать — она не слышала. Отец кричал, требуя идти в избу, — она не двигалась. Она слушала, как растёт трава. Как сок поднимается по жилкам листьев, как земля дышит.

В пять лет она вылечила соседскую корову. Животное лежало, не в силах подняться, и хозяева уже готовили его к забою. Гарпына просто подошла, погладила её по тёплому вымени и что-то прошептала. Сама она не знала, что именно. Слова пришли из воздуха, сложились в её голове сами собой, древние и весомые, будто кто-то водил её языком. Корова, которая ещё утром не могла пошевелить головой, к вечеру поднялась и дала молока в три раза больше обычного.

А в семь лет она впервые услышала, как с ней говорят травы. Это случилось на рассвете. Она выбежала на крыльцо босиком, села на холодный порог и прижала ладони к мокрой от росы земле. Из-под пальцев потянулось живое, пульсирующее тепло, и вдруг раздался шёпот. Множество голосов, сливающихся в один тихий хор.

«Рви меня, — звенела крапива, дерзкая и колкая. — Я жгучая, но я даю силу».

«А я мягкий, — шелестел подорожник. — Я заживляю раны, я храню землю».

«А я полынь, — горько вздыхала серебристая травка. — От сглаза и порчи я первая. Горечь моя — щит твой».

Гарпына не испугалась. Она лишь улыбнулась, и с тех пор каждый день убегала в поле, чтобы слушать, о чём шепчутся листья под ветром.

Глава 2. Травы и люди

К десяти годам имя Гарпыны знали уже во всей округе. Её не любили — чуждались, крестились при её приближении, шептались за спинами, — но ходили. Ибо в крестьянских избах, пропитанных запахом кислых щей и мокрой овчины, не было лекарей. Были лишь старухи-знахарки, да и те больше причитали да молились, чем лечили.

Гарпына же не молилась. Она слушала. Она рвала те травы, которые сами тянулись к её рукам, и варила из них отвары, отступая перед болезнью так же неумолимо, как весенняя вода отступает перед льдом.

Первый случай, навсегда врезавшийся в её память, произошёл поздней осенью. К их покосившемуся забору привели старого Кузьму. Всю жизнь этот богатырь рубил вековой кедр, но теперь время и тяжесть сломали его. Он лежал на лавке в их избе, свернувшись калачиком, и выл. Звук этот был не человеческий — так воеет загнанный зверь, чувствуя, что конец близок. Грыжа скрутила его поясницу в тугой, негнувшийся узел.

— Помоги, Гарпынушка, — прохрипел он, и слезы бороздили его заросшее, серое от боли лицо. — Света белого не вижу. Силушки нет.

Гарпына подошла, не говоря ни слова. Она вдохнула запах его болезни — кислый, затхлый, пахнувший старой землёй.

Она вышла в сени, где в тёмном углу сушились её запасы. Её пальцы сами нашли нужное: цепкий корень лопуха, дающего упрямую силу; сабельник, гибкий, как сама жизнь; и девясил, чьё имя говорило само за себя — девять сил земли.

Она бросила их в старый чугунный горшок, залила ключевой водой и поставила на угли. Отвар варился до заката, наполняя избу густым, горьковатым, но живительным духом леса. Когда солнце коснулось горизонта, она дала Кузьме выпить тёмную, обжигающую жидкость.

Затем она встала у него за спиной. Положила свои маленькие, но удивительно горячие ладони ему на поясницу. Закрыла глаза и прошептала. Слова пришли сами, древние, тягучие, вибрирующие в грудной клетке:

«Кость к кости, жила к жиле. Хворь, уйди в сырую землю, откуда пришла, в глину да в тину. Слова мои крепки, как корни дуба векового. Аминь не говорю, а дело творю».

Кузьма дёрнулся, громко хрустнуло что-то внутри, и он мгновенно провалился в тяжёлый, хрипящий сон.

Утром он встал с лавки. Выпрямился во весь свой богатырский рост, потянулся, и по его щекам, сквозь густую бороду, потекли слезы. Он не сказал ни слова, только поклонился Гарпыне в пояс. С тех пор он каждую осень приносил ей липовый мёд в берестяном тuesке и свежего зайца, а его жена, молча и с уважением, шила для девочки новые рубахи.

Но второй случай был куда страшнее. Он научил Гарпыну тому, что не всякую хворь лечат корнями.

У соседки Марфы родился мальчик. Крепкий, румяный, но к трём месяцам он начал синеть. Задышался. Не брал грудь, а только хрипел, выгибаясь дугой. Марфа выла на всю улицу, срывая голос, мужики в избе испуганно крестились, ожидая самого худшего. Врача в Пустаках не было, а до города — три дня пути.

Гарпына вошла в избу без стука. Воздух там был спёртым, тяжёлым, с привкусом меди и липкого, холодного страха. Она не смотрела на ребенка. Она подняла голову и медленно, глубоко втянула воздух носом, как зверь, выслеживающий добычу.

— У вас в доме покойник не отпетый, — сказала она тихо, но так, что весь шум в избе мгновенно стих. — Кто умер в этом году?

Марфа побледнела, её губы задрожали.

— Деверь... — прошептала она, закрывая лицо руками. — На чердаке повесился. Осенью. Мы... мы не говорили батюшке. Похоронили за оградой, как пса.

— Самоубийца — нечисть, — отрезала Гарпына, и в её голосе не было ни капли детского сострадания, только холодная констатация факта. — Его душа застряла между мирами. Он не уходит и душит младенца, забирая его дыхание себе.

Она действовала быстро и властно, не давая никому возразить.

— Откройте все окна! Живо!

Пока мужики бросались исполнять приказ, она достала из кармана сухую полынь и чертополох, бросила их на раскалённые угли в печи. Густой, едкий, горький дым мгновенно заполнил избу, заставляя всех кашлять и щуриться. Гарпына окурила каждый угол, выгоняя невидимую гниль.

Затем она взяла синеего ребенка на руки. Подошла к порогу. Положила младенца на холодные доски и сама трижды перешагнула через него, чертя в воздухе защитные знаки. С каждым шагом её голос становился громче, перекрывая треск поленьев:

«Отрекаюсь от мёртвого, призываю живого! Умерший, уйди за реку забвения, в землю сырую, в тьму кромешную! Живой, вдохни полной грудью, вернись к свету!»

На третьем шаге мальчик судорожно втянул воздух. Закашлялся. И закричал. Громко, требовательно, по-настоящему. Цвет его лица начал возвращаться, розовея на глазах.

Марфа рухнула на колени, хватая подол платья Гарпыны, рыдая и целуя её руки.

Гарпына мягко, но твердо подняла женщину.

— Не кланяйся мне. Кланяйся Богу. Поставь свечку на могилу деверя, пусть поп прочитает над ним молитву, даже если он грешник. И выбрось все его вещи из дома. Сожги их. Иначе он вернется.

После этого случая к дому ссыльнопоселенцев потянулись люди не только из Пустак, но и из дальних заимок. Несли кто яйцо, кто медь, кто последнее полотенце.

Но Гарпына лечила не всех. И это пугало людей больше, чем её колдовство. Она видела суть, и ложь перед её разными глазами была невозможна.

Однажды к ней пришёл богатый купец с Сахалинского поста. Одет в тонкое сукно, пахнет французским одеколоном, а в руках — тяжёлый кошель с золотом. Рядом с ним, потупив взор, стояла молодая, испуганная девка.

— Вылечи её, знахарка, — бросил купец, брезгливо морщась. — Хиреет что-то. Золотом заплачу.

Гарпына даже не посмотрела на кошель. Она посмотрела в глаза купцу. И он невольно отшатнулся: в её зелёном глазу он увидел свою подлость, а в синем — свой страх.

— Ты мне золото сулишь, а у самого глаза бегают, как у вора, — сказала она ледяным тоном. — Ты не жену привёл, а девку, которую сам с пути сбил, а теперь боишься, что её тоска тебя до гроба сведёт. Уходи. Я не сводня и не прислуга, чтобы грехи твои замаливать.

Купец побагровел, хотел пригрозить, но язык не повернулся. Он схватил девку за руку и ретировался, роняя на ходу монеты.

Другому, местному мужику, который жаловался на внезапную, неодолимую слабость и ломоту, она сказала прямо, глядя в его бегающие глаза:

— У тебя не простуда. На тебе порча. Ты у соседа жену отбил, а он, человек старый и обиженный, проклял тебя на смерть. Мне с чужими проклятиями связываться не с руки. Иди к нему, падай в ноги, проси прощения. Пока он не простит, никакая трава тебе не поможет.

Мужики злились, шипели за её спиной, называли ведьмой и выродком. Но перечить боялись. Потому что видели, как после её отказа их хвори только усиливались, а стоило им принести искреннее раскаяние — как болезнь отступала.

Она была не просто девочкой. Она стала судом. И этот суд был страшнее любого кнута.

Глава 3. Ночные тропы к коренным народам

Гарпыну тянуло в лес не просто так. Русское село с его покосившимися заборами, вечным страхом перед грехом и глухим недовольством казалось ей тесной, душным клеткой. А там, за болотами, где земля еще помнила шаги первых людей, она дышала полной грудью.

Впервые она ушла тайком, когда ей исполнилось одиннадцать. Мать, измученная стиркой и работой, тяжело уснула, полагая, что дочь свернулась калачиком под одеялом. Но Гарпына бесшумно соскользнула с печи, накинула на плечи старый тулупчик и выскользнула в ночь.

Путь лежал через топкое болото. Она шла наощупь, увязая по щиколотку в холодной, жижеобразной грязи, перепрыгивая с кочки на кочку, поросшую скользким мхом. Воздух здесь пах гнилью и одновременно сладковатым дыханием жизни. Комары вились тучами, но она не хлопала их, лишь терпеливо сносила их укусы, как плату за проход в чужой мир.

И вот, сквозь чахлые берёзы, пробился свет. Не тусклый, дрожащий огонёк лучины, а яркое, живое пламя большого костра.

Гарпына замерла за толстым стволом векового кедра, прижавшись щекой к шершавой коре. Перед ней открылась картина, от которой захватило дух. В центре стойбища, у самой кромки воды, плясали языки пламени. Вокруг, в ритм глухим ударам бубна, двигались люди. Женщины в расшитых бисером и ракушками халатах водили плавные, завораживающие хоро-воды. Мужчины, низко пригнувшись, били в бубны, и этот гулкий, вибрирующий звук проникал прямо в грудную клетку, заставляя сердце биться в унисон. Дети с серьёзными лицами кидали в огонь сухие ветки, шепча молитвы на гортанном, незнакомом языке.

Гарпына не понимала слов, но понимала смысл. Это не было похоже на пугающие церковные службы с их страхом перед адом. Здесь не боялись духов. Здесь с ними разговаривали как с соседями.

Вдруг ритм бубна участился. Старый нивх, чьё лицо было изрезано морщинами так глубоко, что напоминало кору того самого кедра, за которым пряталась девочка, начал кружиться вокруг огня. Его движения становились все более дёргаными, нечеловеческими. Он взмахнул руками, издал горловой, утробный звук и рухнул на землю, как подкошенный.

Люди без суеты накрыли его оленьей шкурой. Наступила тишина, нарушаемая лишь треском поленьев.

Прошёл час. Гарпына стояла, не шелохнувшись, впитывая каждую секунду.

Вдруг шкура зашевелилась. Старик сел. Его глаза, ещё минуту назад закрытые, теперь смотрели сквозь огонь, в невидимую даль.

— Духи довольны, — произнёс он хрипло, но твердо. — Морозов этой зимой не будет. Рыба пойдет в реки серебром.

Гарпына тогда ещё не знала термина «камлание» и не понимала, что старик спускался в нижний мир и возвращался обратно. Но она почувствовала это нутром. В этом действе было что-то древнее, правильное и незыблемое, как течение реки.

С той ночи она стала пропадать регулярно. Всякий раз, когда в стойбищах начинались обряды, она находила способ сбежать из дома. Она смотрела, запоминала движения, ритмы, запахи трав, которые жгли в огне. Она не задавала вопросов, не лезла с расспросами, и эта молчаливая почтительность сыграла ей на руку.

Нивхи знали, что по ночам к их кострам приходит русская девчонка. Но никто не прогонял её.

Она не мешала, не пугала детей, а иногда, словно по волшебству, оставляла на камнях у тропы пучки редких целебных трав, которые сами аборигены не могли найти в тех краях.

Айны, встречая её на границе своих земель, прозвали её «коти-мацу» — та, что слышит листья.

Нивхи дали ей другое имя: «ыскыль» — рысь, которая ходит в одиночку и видит в темноте лучше, чем днём.

Для русских она была чужой, пугающей «двоглазкой». Для коренных народов она стала чем-то средним между гостьей и духом-помощником. Гарпына была своя для всех. И ничья.

Глава 4. Шаман, за которым она наблюдала

Среди всех людей в стойбищах особенно её притягивал один.

Он не был похож на остальных. Ему было около тридцати, но в его движениях не было ни суеты молодости, ни тяжести старости. У него были длинные, чёрные, как вороново крыло, волосы, которые никогда не путал даже самый яростный сахалинский ветер. Он жил один, в старом, прокопчённом чуме на самом краю зыбкого болота. Не женился, не держал собак, не участвовал в общих пирах. К нему ходили за помощью только в самых крайних, безысходных случаях, потому что он брал плату не мехами и не железом.

Он требовал память. Сны. Или прядь волос, срезанную у самого корня.

Гарпына видела, как он однажды камлал. Она стояла в кустах, затаив дыхание, когда он начал бить в бубен. Этот звук был не просто музыкой — это было сердцебиение самой земли, гулкое и первозданное. От его ударов у неё заложило уши и завибрировало в грудной клетке.

Шаман прыгал через костёр, падал на землю, поднимался, и с каждым его движением из приоткрытого рта вырывались настоящие искры, освещая его лицо в гримасе неземного усилия. Потом он вскрикнул — звук, от которого у Гарпыны похолодела кровь, — и рухнул навзничь, словно перерубленные нити.

В тот же миг над ним, кружась в столбе дыма, возникли три огромных белых ворона. Они не были похожи на обычных птиц: их глаза горели холодным, разумным светом. Вороны прокричали в унисон, и этот крик прозвучал как древнее, гортанное слово:

— Хам-ра-а-а!

И растворились в ночном небе.

Шаман медленно открыл глаза. Он посмотрел на старейшину, и в его взгляде не было ничего человеческого — только бесконечная, ледяная даль. — Через три дня упадёт большой снег, — сказал он тихо, но так, что услышал каждый. — Уводите оленей в низину. Иначе пропадут.

Никто не спорил. Через три дня повалил снег такой густой и тяжёлый, что завалило половину леса. Только те стада, что успели спуститься, выжили.

Гарпына больше не могла прятаться. Она вышла из-за деревьев и подошла к нему. — Как ты это сделал? — спросила она, глядя ему прямо в лицо.

Он даже не повернул головы. — Я спросил у духов.

— А они всегда отвечают?

— Тем, кто платит.

— Чем платишь ты?

Впервые за всё время он повернулся к ней. Посмотрел в её разные глаза. Его собственные глаза были чёрными, как остывшие головешки, но в самой их глубине, на самом дне, тлели крошечные, но негасимые золотые искры.

— Своей жизнью, — сказал он. Голос его был тихим, но в нём слышался скрежет камней. — Каждый раз, когда я хожу к духам, я оставляю там кусочек себя. Часть памяти. Часть тепла. Когда-нибудь я оставлю там всё. И не вернусь.

Гарпына нахмурилась, пытаясь осмыслить эту цену. — Ты не боишься?

Он слабо, почти незаметно усмехнулся. — Я уже умер дважды, девочка. Первый раз — когда родился с этим даром. Второй — когда понял, что от него не избавиться.

Она тогда не до конца поняла его слов. Но запомнила каждое. Запомнила этот взгляд и эту усталую обречённость.

Шли годы. Времена года сменяли друг друга, как узоры на шаманском бубне. Гарпына расцвела. К пятнадцати годам она стала высокой и тонкой, как молодая берёза. Её чёрные косы доходили до пояса, а глаза — один синий, как штормовое море, другой зелёный, как лесная чаща — заставляли мужчин замирать и отводить взгляд. Слава о ней разлетелась далеко за пределы Пустаков, но её по-прежнему тянуло на край болота.

Теперь она не пряталась за деревьями. Она приходила открыто. Садилась у его костра, пила терпкий чай из шиповника и брусники, который он варил в закопчённом котелке, и слушала его рассказы. Он говорил о духах верхнего мира, о мёртвых, что бродят по туманам, о крае, где время течёт вспять, а реки текут к истокам.

Однажды вечером, когда пламя костра отражалось в её глазах, он вдруг сказал, не глядя на неё: — Ты становишься красивой, Гарпына.

Она сделала глоток чая, чувствуя, как тепло разливается по груди. — Я всегда была красивой, — спокойно ответила она. — Просто ты раньше не замечал.

Он медленно поднял на неё взгляд. Золотые искры в его глазах дрогнули. — Я замечал, — признался он тихо. — Я боялся.

— Чего? — спросила она, подавшись вперёд. — Духов? Смерти?

Он посмотрел на неё так, будто видел не пятнадцатилетнюю девушку, а ту силу, что дремала в её крови, ту самую, что однажды потребует платы. — Себя, — прошептал он. — Того, что я могу сделать, если позволю себе чувствовать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.